

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РАН**

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

**Фундаментальные основы
теории и практики**

Сборник научных трудов

**Под общей редакцией
члена-корреспондента РАН
А.Н. Савенкова**

УДК 343.1/.8(082)
ББК 67.408я43+67.410.2я43
У26

Редакционная коллегия:

А.Н. Савенков, член-корреспондент РАН (руководитель);
А.В. Габов, член-корреспондент РАН; *О.В. Дамаскин*, д.ю.н., проф.;
П.А. Скобликов, д.ю.н.; *Ю.В. Николаева*, д.ю.н., доц., *М.И. Ясницкая*

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *Г.В. Дашков*;
доктор юридических наук, профессор *И.В. Холиков*

*Сборник научных трудов печатается при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-20114)*

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

**У26 Уголовная ответственность. Фундаментальные основы
теории и практики: сб. науч. тр. / под общ. ред. чл.-корр.
РАН А.Н. Савенкова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и
право, 2019. — 367 с.
И. Савенков, Александр Николаевич, ред.**

ISBN 978-5-238-03311-2

Агентство СІР РГБ

Сборник научных трудов включает доклады и выступления участников научных конференций по уголовному праву и уголовному процессу — научных сотрудников, преподавателей, практических работников правоохранительных органов, сотрудников органов государственной власти и управления, содержащие обзор и анализ актуальных вопросов состояния преступности, борьбы с преступностью, выявления причин и условий криминогенных явлений, оптимизации аналитической, социально-правовой деятельности, предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, рассмотрения новых криминальных явлений, включая сферу цифровых технологий и информационной безопасности.

Для научных и практических работников, преподавателей и государственных служащих, аспирантов и лиц, участвующих в противодействии преступности.

ISBN 978-5-238-03311-2

ББК 67.408я43+67.410.2я43

© Институт государства и права РАН, 2019
© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2019
Принадлежит исключительное право на использование и распространение
издания (Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ).

О.Д. Ситковская. Общие условия уголовной ответственности: психологический аспект	74
Н.Г. Иванов. Гуманизм в уголовном праве — упоение соблазнами	80
С.А. Бочкарев. Уголовный закон и знание об уголовном законе	90
А.В. Габов. Уголовно-правовая политика в вопросах противодействия негативной фиктивности в деятельности юридических лиц	96
О.В. Дамаскин. Актуальные вопросы совершенствования уголовного законодательства	125
А.И. Пономарев. Проблемы имплементации уголовной политики в механизм правового регулирования	130
Л.Н. Куровская. Некоторые важные тенденции преступности и их влияние на формирование уголовного законодательства	144
П.А. Скобликов. Обеспечение личной неприкосновенности в контексте уголовной ответственности за побои и другие насильственные действия	152
В.И. Радченко. Влияние уголовно-правовой политики на развитие экономики	168
С.В. Полубинская. Совершенствование законодательства о принудительных мерах медицинского характера	185
М.Н. Кобзарь-Фролова, Т.С. Земскова. К вопросу о профилактике, предупреждении деликтности и социальной адаптации несовершеннолетних	193

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И ЗНАНИЕ ОБ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ¹

С.А. БОЧКАРЕВ
канд. юрид. наук, и.о. заведующего
лабораторией политико-правовых исследований
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

Актуальность вопросов, заявленных в названии конференции («Уголовный закон XXI века: кого и что он должен защищать»), не требует развернутого обоснования. Достаточно отметить, что сами по себе их постановка и обсуждение на всероссийском уровне свидетельствуют о том, что человечество уже вступило в новый век, а ответы на простые и в то же время значимые вопросы, которые исчерпали бы собой тему, еще не дали либо не убедились в достоверности предложенных вариантов.

1. Попытки получения ответов на актуализированные вопросы могут иметь несколько сценариев развития. Одни специалисты констатируют, что уголовный закон XXI в. в своих главных чертах и основополагающих объектах защиты не будет принципиально отличаться от уголовных законов XX или XIX в. Другие узрят изменения в технологической, экономической, политической или психологической обстановке. Вслед за этим предложат обновить представления об этих аспектах в уголовном законе для его приведения в соответствие с требованиями текущего времени. Третьи в очередной раз вспомнят об известных утопиях и предложат, к примеру, отменить уголовный закон и не задаваться излишними вопросами.

Пример подобной дискуссии имеется. Речь идет о полемике, инициированной академиком В.Н. Кудрявцевым и профессором А.В. Наумовым. Им же принадлежат диаметрально противоположные точки зрения. Первый высказывался об острой необходимости модернизировать науку уголовного права. Второй заявлял о том, что «корни современного уголовного права лежат в идеях, выдвинутых в XVIII—XIX веках... человечество уже к то-

¹ Выступление подготовлено при поддержке РФФИ по проекту № 18-011-01232 «Состояние отечественной системы правосудия: взгляд изнутри на ее самостоятельность и независимость».

СА Бочкарев Уголовный закон и знание об уголовном законе

му времени сформулировало основные уголовно-правовые идеи, и теперь они уже проверены веками. Никакого нового уголовного права не будет, а будет органическое развитие старого с его приспособлением к новым... реалиям».

Каждая точка зрения, безусловно, имеет право на существование. Однако более важно не констатировать ценность плюрализма мнений, а отметить, что точек соприкосновения и тем более компромисса между взглядами ученых не найти и не достигнуть. Причина предельно банальна. Она состоит в том, что знание, которым они руководствуются в своих оценках, не ориентирует на установление объективной картины и не предлагает методы ее построения, сложения из множества противоречивых фактов. Программа эксплуатируемого знания не ведет и не способствует достижению взаимопонимания. Поэтому, прежде чем переходить к поиску и обсуждению нового образа уголовного закона, нужно признать, что не столько этот закон, сколько отмеченные позиции, с которых он традиционно оценивается, по своему существу не модифицировались. В неизменном качестве они бытуют из эпохи в эпоху. Возвращение к ним и рассуждения по теме с их позиций не приведет к обнаружению эвристического результата, некоторому прозрению.

Таким образом, пример отмеченных взглядов учит тому, что, прежде чем браться за заявленные в названии конференции вопросы, специалисты должны задаться одним предшествующим вопросом. Речь идет о вопросе состава и качества применяемого к познанию криминальной реальности знания. В каком состоянии находится современное уголовно-правовое знание? Какие и насколько актуальные критерии оценки действительности, индикаторы распознавания реальности и источники поступления информации включает его парадигма, которой обременен каждый исследователь? Занимается ли знание как социально структурированное образование отысканием смыслов и значений, которыми наполняют уголовное право его ключевые пользователи, вычленением того, что образует смыслообразующую идею этой отрасли права, а также фиксацией степени ее деформации в современных условиях? Либо система знаний ограничивается функцией консервации и архивации известных истин? Включает ли система используемого знания механизмы достижения его субъектами взаимопонимания и реализации достигнутого результата на практике? Иными словами, криминалисты должны задаться вопросом, на основе какого знания они предпринима-

ют попытку ответить на главные вопросы об уголовном законе. Не вызывает сомнения, что от ответа на «предшествующий вопрос» во многом будет зависеть ответ на «основной вопрос». И тогда будет понятно — повторятся ли в своем ответе или все же найдут ту эвристическую мысль или идею, которая станет для общества в целом и каждого в частности проводником в их настоящее и будущее.

2. Несмотря на значимость «предшествующего вопроса» и зависимость качества уголовного закона от качества уголовного правового знания, на основе которого закон формулируется, принимается и исполняется, знание как таковое не выделено в понятийном аппарате современного уголовного права и не рассматривается его знатоками как самостоятельный объект исследования. Значение знания весьма заужено, а самой категории отведена второстепенная и подсобная роль в составе понятия о науке уголовного права. Нередко и обиходно знание подменяется наукой или теорией, а их задачи смешиваются либо отождествляются. Далее науку и теорию стали использовать как синонимы. Иными словами, знанию придается не соответствующий его гносеологическому статусу и потенциалу смысл.

3. Также часто упускается, что отечественное уголовно-правовое знание разрабатывалось на фоне синхронного роста интереса к позитивизму и отрицания метафизики (XVIII—XIX вв.). В этот период оно пополнялось в основном с помощью и за счет сравнительно-исторического и историко-догматического изучения уголовно-правовой действительности, т.е. преимущественно за счет методов позитивизма. При этом исторически сложилось так, что прежде в социальной жизни обозначалось и реализовывалось практическое направление уголовно-правовой мысли, а только затем к нему присоединилось научно-теоретическое направление.

4. Историческая предзаданность, в условиях которой уголовно-правовое знание получило институциональное становление, а также текущий мировоззренческий выбор субъектов этого знания в пользу позитивизма с сопутствующими ему эмпиризмом, натурализмом, историзмом, нормативизмом, бытовизмом и релятивизмом привели: к игнорированию философии, к существенной недооценке истории и ее значения, к гипертрофированной уголовно-политической и собственно теоретической разработке, а в целом к сужению уголовно-правового взгляда, т.е. к выбытию из него ряда ключевых источников и, как следствие, к

исполноте структуры знания, оппозиционности к иным источникам знания, к отсутствию в нем ориентира на достоверное и целостное отображение уголовно-правовой реальности как динамически развивающегося объекта.

5. Включение в состав науки уголовного права философского знания и опыта в порядке референции позволило выявить, что основу современной и критико-рационалистической традиции с сопутствующими ей эмпиризмом, натурализмом, историзмом, нормативизмом, бытовизмом и релятивизмом, освоение которых привело к выработке ограничений в научном познании криминальной реальности, достижению прецедентов в практическом понимании уголовно-правовой действительности, а также к возникновению издержек в социальном поддержании права.

Если говорить конкретнее, то адаптация и активная эксплуатация преимущественно позитивистских постулатов, уверование в их самодостаточность для отраслевых нужд уголовного правового знания привели, в частности:

- в теоретическом плане — к формированию представлений об уголовном праве как о рамочном понятии и узкой области двух основополагающих и смыслообразующих для этой отрасли явлений — «преступления» и «наказания», при этом взятых в их эмпирическом понимании. Уголовное право в собственном смысле слова, т.е. как право, не рассматривается. Для современного уголовно-правового мировоззрения стало историчным и обычным опускать онтологию собственной отрасли права. Его функциональное значение сведено до обеспечения взаимосвязи между деянием и воздаянием;
- в научно-практическом плане — к возникновению между основными потребителями знания — модераторами (учеными) и операторами (практиками) уголовного права — раскола во внутроотраслевых и междотраслевых мнениях о состоянии действующего уголовно-правового порядка. Названные субъекты знания, основывая его на релятивистских началах, находятся в своих оценках состояния правового порядка на противоположных позициях и критически удаленном друг от друга расстоянии;
- в нормативно-правоприменительном плане — к формированию и реализации на практике упрощенного и минимали-

листского отношения к преступлению, а также к организации системы правоохранительной деятельности, которая из-за отсутствия в своей основе философско-антропологического знания и инструментария в современных условиях испытывает нехватку средств для целостного восприятия населяющих страну сообществ и объединяющих их ценностей, в том числе понимания того, что в эпицентре всех изменений стоит человек с собственными представлениями о мироустройстве, которые ныне претерпевают существенную трансформацию.

Практика эксплуатации уголовно-правового знания показывает, что оно в его современном состоянии не способно за счет собственных отраслевых средств выйти из состава позитивистской традиции и избавиться от связанных с ней издержек. Для достижения этой цели нуждается в философско-методологическом инструментарии, который способен освободить знание от укоренившихся в нем догм и стереотипов, его субъектов — от позитивистских предубеждений и предрассудков, а главное — ввести это знание в общенаучный и полноценный контекст.

6. С помощью метафизики теории уголовного права продемонстрировано существование более полной реальности бытия человека, наличие которой игнорируется криминалистами, а также выявлена условность и приближенность эмпирических средств, традиционно используемых для оценки преступности и наказуемости деяний, их неспособность выполнять задачи по конкретизации содержания, персонализации ответственности и индивидуализации наказания. Уголовно-правовым знанием оставлены невостребованными неэмпирические и неметрические инструменты измерения индивидуального и социального поведения.

7. С позиции герменевтики обнаружено, что субъекты уголовно-правового знания оперируют в основном с институтом толкования, а не с феноменом понимания, который имеет мета-нормативное значение для человека в целом и уголовного права в частности, поскольку является для них и целью, и ценностью, определяет их содержание, а также служит им условием введения в социальный контекст и реализации в нем. Несмотря на это, правила понимания рассеяно присутствуют в уголовно-правовой области и не образуют собой единого механизма, касающегося текста закона и в меньшей степени используются для оценки криминальных событий и поведения их участников.

8. Синергетическая парадигма ставит под сомнение самодостаточность знаний об уголовном праве как о статическом порядке, который реализуется в его внутренней организованности и во внешней направленности на дисциплинирование социума. Она же выставляет феномен хаоса как данность бытия, допускает существование уголовно-правового беспорядка и на их фоне предлагает рассмотреть отрасль в динамике. То есть как институт, который, помимо прочих традиционных значений, может также либо не отвечать своему назначению, предрасполагать к разрушению опекаемых благ и вести к дестабилизации социума, либо сам подвергаться разрушению под влиянием трансформирующегося общества и утрачивать возможность выполнять по отношению к нему свою нормативную функцию.

9. С позиции виртуальности как феномена современного технологического уклада определяется, что действующий уголовно-правовой концепт основан преимущественно на механистическом представлении о мире и не имеет достаточных знаний о фантомной реальности, которая активна востребована социумом и его криминальной частью. Вовлечение в виртуальную среду и использование ее имитационных средств привели к изменению ментальных представлений человека о времени и пространстве, что требует от науки поиска новых средств самовыражения и развития уголовного права.

В завершение необходимо отметить, что качество и полнота представлений правоприменителей о прошлом, настоящем и будущем уголовного закона зависят не только от качества того знания, которое воспроизводит наука. Как показывают изыскания лаборатории политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, окружающая и влияющая на правоохранителей среда вносит свой вклад в модификацию или деформацию имеющихся у них знаний о криминальной реальности. Ненадлежащее обеспечение, к примеру, принципа независимости институтов правосудия ведет к искажению отображаемых в процессуальных решениях следователей, прокуроров и судей выводов об обстоятельствах расследуемых дел и разрешаемых ими конфликтов.